

Скифия. Историческая поэма

Евгений Бугров

Евгений Бугров

Скифия. Историческая поэма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69975223

SelfPub; 2024

Аннотация

Опираясь на удивительные факты, изложенные Н. М. Карамзиным в его знаменитом труде, автор показывает нравы и обычаи наших предков, попутно раскрывая "вечную" загадку русской души. В свете последних мировых событий и противостояний на Украине, поэма звучит особенно актуально..

Евгений Бугров

Скифия.

Историческая поэма

По мотивам «Истории Государства Российского» Н. Карамзина

I

Во тьме веков лежит страна,
Прародина сегодняшней России,
Где грозных скифов племена
Богов языческих носили.

Славяне разоряли города,
Вселяя ужас в византийские народы,
Награбленное золото тогда
Закапывали, и водили хороводы.

Прославилась великая земля,
И потянулись, смирные как овцы,
Вначале странники, затем торговцы,
И богатели воеводы и князья.

Когда Владимир Мономах,
Правитель греческой культуры,
Стреножил русскую натуру,
В народе поселился страх.

Два века не могли Россию укротить,
Искореняя все обычаи и нравы,
Спешили матери детей крестить
Или в леса бежали от расправы.

Князья московские горды,
Холопов, смердов, не жалели,
Однажды сами присмирели
Под игом Золотой Орды.

Земля славянская восстала,
Освобождаясь от татарского ярма,
Корона царская в Сибири засверкала
Козацкой саблей атамана Ермака.

Не знала жалости тогда
Ивана Грозного держава,
В узде язычников держала
Петра Великого рука.

Но русский бунт бывает скорым,
То Стенька Разин, то Емеля Пугачев
Царям грозили из трущоб
Свирепым и беспощадным взором.

Стоит и плачет Русь Святая
И топит горести в вине,
Цари, народ свой угнетая,
Народом же спасаются в войне.

Но нет, мы не смиренные овечки!
И век двадцатый это точно подтвердил:
Роняли мы кресты с церковей как свечи,
Мамай как будто мимо проходил.

Мы утираемся кровавыми слезами
И просим Господа смиренью научить,
И тут же норовим за Блоком хищно повторить:
Да скифы мы, с раскосыми и жадными очами!

Душа моя скорбит смертельно:
Сказал Иисус перед Петром.
На шее носим крест нательный,
Но мы – язычники нутром.

Да стоила ли выделки овчинка,

Мы свято веруем в воскресшего Христа
И молимся – иконам с деревянною начинкой,
А Бог живой! И нет на Нем креста.

Цари по-прежнему не знают, как себя спасти
От смуты, мятежа иль вражеской напасти,
Народ безмолвствует, но хочет знать,
Как власть ума обуздывает страсти.

Пока Господь не вынес приговор,
Причин и следствий мы затеем спор:
Бессмертный Карамзин или слепой Гомер,
И я им первый подаю пример.

Язычество – религиозная химера!
Придуманная ложь для устрашения богов
Иных, чтоб разделять и властвовать без меры,
Но начинаем: да прольется миро слов.

II

Чудесный мир воспет самим Орфеем,
Гомеровские аргонавты в незапамятную старину,
Преодолев Колхиду, вошли в страну
Загадочных людей, гипербореев.

Там, за Рифейскими (читай) Уральскими горами,
Есть край заоблачный, туманный и простой,
Где люди смертные равняются с богами,
Питаясь лишь нектаром и росой.

Неведомы им страсти, горести людские,
Живут они в веселии по несколько веков,
А насладившись, в волны бурные морские
Бросятся с крутых, скалистых берегов.

Приятно слуху баснословное писанье,
Поэмы греческие напоминают нам мечту
Об обществе, где нет преступников, ни наказания...
Под мифами и сказками мы подведем черту.

Но если аргонавтов гиперборейское виденье
Освободить от гомерических прикрас,
То мы увидим истину, и без сомненья,
Там жили скифы, бывшие до нас.

III

О скифах первым нам поведал Геродот,
Почти за пять веков до нашей Эры
Он описал исчезнувший впоследствии народ
Ясней гораздо, чем удалось Гомеру.

Царили скифы от Дуная и Днепра
До моря Каспия и каменистого Урала,
И по Сибири Южной кочевали племена
Разноязыкие, но корня общего сначала.

Пусть Дарий, царь Персидский, был сильней,
Хотел он скифам отомстить за беспокойство,
Гоняясь за кочевниками среди Донских степей,
Едва не погубил свое бесчисленное войско.

И знали скифы лишь одно искусство:
Настигнуть неприятеля врасплох, сразить искусно,
И тут же скрыться. Эти дикие народы
Любили и ценили лишь одно – свободу.

От грозных скифов не было надежды:
Они свирепо нападали на врагов,
Снимали кожу, и носили как одежду,
И пили кровь из их же черепов.

Осели скифы на берегах Днепра,
И земледельцы там устроили жилища,
На месте Киева стояло царское кладбище,
Оно священным было и неприступным для врага.

Но кочевала по степям их Царственная (или главная) Орда,

Смещаясь до Азова, Дона или Крыма,
Она не строила домов, не возводила города,
Считая жизнь земную не важнее дыма.

И поклонялись скифы в образе меча
Их главному (единственному) богу
Войны, что за победу отвечал.
Но перейдем к печальному итогу.

Исчезнет скифов собственное бытие,
Но вострый меч не заржавеет от погоды,
И всякий раз, как жало, его сверкает острие
Под игом власти, но – под знаменем свободы.

На рубеже великого рождения Христа
На землю русскую спускаются потемки,
Но ненадолго. Начнется с нового листа
История Руси – восстанут скифские потомки.

IV

Но прежде, чем славяне выйдут на арену
Великих дел, нам следует понять,
Как шаг Истории народам определяет цену,

Как воздвигает царства, и разрушает их опять.

Театром действий ныне Ближнего Востока
Была Месопотамия, где возникали города
За десять тысяч лет до нынешних раскопок
И процветали, и исчезали навсегда.

Причина гибели везде одна и та же:
Корысть и распри царственных особ,
Что угнетали свой народ, но вот однажды
Вторгались варвары, и разрушали город до основ.

Ошибки власти неумолимо повторялись,
Былые варвары, вкусив награбленных плодов,
Роскошествовали, но, как ни воцарялись,
Их поджидали те же распри и – презрение богов.

Религия – предмет особенных мучений,
Пример Иисуса фарисеев, лицемеров, напугал!
Есть вера в Бога, а есть пустой по сути ритуал
Жрецов, корыстных надзирателей ученья.

Как было раньше, так и будет впредь:
Богатством сатана распахивает дверь
Во тьму. Неважно – римляне, арабы или греки,
Все рухнет. Но Человек живет – вовеки.

V

На землю скифскую из Азии пришли сарматы,
И Рим не мог удерживать их яростный набег:
Изнеженный, он откупался серебром и золотом
Весь Первый и Второй христианский век.

А в Третьем и Четвертом – отличились готы,
Германских варваров небезызвестная орда
Нахлынула, и подчинила все народы
От Балтики до Рейна и Днепра.

Век Пятый был Аттилою отмечен:
От стран Китая он в Европу прискакал
Верхом. И ужас был ему предтечей,
Я – Бич Небесный: он так себя назвал.

Аттила европейцев племена как кегли разметал,
Казнил и миловал по своему хотенью.
С Константинополя дары несметные он принимал,
Но презирал и данников, и подношенья.

Он жил под сенью своего роскошного шатра
На берегах когда-то скифского Дуная,
Но умер вдруг, и с ним исчезла стая

Свирепых гуннов, темных призраков орда.

Прошлись по Скифии болгары, угры, турки,
Носились безызвестные и злые племена,
На рубеже времен слепцы играли в жмурки,
Но поднималась уже грозная волна.

VI

С Шестого века, рукописи говорят,
На сцене мира появляются славяне,
И зарезвились сразу, как детишки на поляне,
Как будто смерть надела шутовской наряд.

Никто не ожидал возникшего смятенья,
Сыграла кровь или смешенье рас,
Но нет – то скифы Божьим провиденьем
Воскресли, и возродились в нас.

Сочились кровью берега приморского Дуная,
Покрылись пеплом разоренных городов и сел,
И легионы римские, с позором отступая,
Бросали жителей на смертный произвол.

Славяне выжгли страны греческого рая,
Пылал в огне Константинопольский посад,

И зная римское в руках славян, на солнышке играя,
Их веселило как музейный экспонат.

Ни азиаты, готы и никакие гунны
Ужасней не были отчаянных славян,
Мечи дрожали византийские как струны,
Дрожал от страха сам Юстиниан!

Великий греко-римский Император
Смотрел, как тучи на Царьград идут грозой,
Как бодрые славяне приступают к воротам,
И откупился – императорской казной.

Лет тридцать бесчинствовали по Европе
Славяне храбрые, беспечно принимая дар
Богов, что свойственно их воинской природе,
Для вразумления Господь послал татар.

Тут надо сделать небольшое отступление:
Неважно, кто каким наречьем говорит,
Язык арабский, или может быть иврит,
Есть совесть, все остальное – преступление.

VII

С Алтайских гор явился знаменитый хан Баян,

И бог Перун, славян (молельный) истукан,
Не защитил от разорений хищных
Их собственные земли и жилища.

Но русский дух непросто укротить:
Хан предложил, взамен повинности и дани,
Союзниками стать по общей брани,
И Византию вместе покорить.

История не терпит наклонений,
Так было, и не каждый будет рад
Узнать, что хан аварский без стеснений
Славян отважных ставил в авангард.

И заключал за их спиною соглашеньё
С Империей, и предавал. Но, презирая страх,
Славяне не сдавались! И гибли в тех сраженьях
В отчаянье великом, но – с улыбкой на устах.

Мы слышим стук копыт и грохот колесниц,
Что к нам доносятся с трагических страниц
Истории. Исчезнет хан на рубеже столетий,
Авары тоже сгинут, как гунны перед этим.

Но нет! Народы никогда не умирают,
Они, как зерна в поле, снова прорастают.

И Божьим духом нескончаем век,
Иисус был первый настоящий Человек.

По совести – мы все имеем право
Жить. И умирая – мы восстаем опять.
Но прежде надо вспомнить и понять
В веках забытые обычаи и нравы.

VIII

Оставив на чужбине злую память за собой,
На родину славяне возвращались добродушно,
И драгоценности, добытые кровавою ценой,
Кидали в ямы, считая золото ненужным.

Землей славянской управляла простота,
Не наблюдалось зависти, корысти или злости,
И не имелось повода для грабежей и воровства,
Священны были странники и гости.

Кто чужеземца от беды не сохранял,
Тому соседи мстили оскорбленно,
На случай странника хозяин дома оставлял
Накрытый стол и дверь не затворенной.

Любили иностранцы в гости к нам попасть,

И тут таится характерная примета:
Хозяин бедный мог (оправданно) украсть
Необходимое для гостя у (богатого) соседа.

Беспечная славянская душа
Не знала в древности сомнений или страха,
Имелась если в чем у странника нужда,
Хоть укради! Или отдай последнюю рубаху.

Славянки добровольно сжигались на костре
С мужьями мертвыми! Нам это кажется злодейством,
То были нравы: вдова живая позорила семейство,
И выбирала смерть на огненном одре.

Никто (и никогда) Россию не поймет,
Некрасов (неслучайно) русских женщин превозносит,
Она в избу, мол, горящую войдет,
На всем скаку коня, играя, остановит.

И часто жены отправлялись на войну
С отцами и супругами, и воевали вместе,
И греки плакали, обнаружив их в плену,
От ужаса неотвратимой русской мести.

И матери, воспитывая маленьких детей,
Готовили их воинами и непримиримыми врагами

Своих обидчиков, и холод до (мозга самого) костей
Пронизывал врагов древнеславянской брани.

Но, несмотря на внешнюю свирепость,
Хранили жены и соответственно мужа
Взаимную любовь и соблюдали верность,
И той любви завидую (и я).

IX

Авары сгнули от язвы моровой,
И были бы славяне впредь неукротимы,
Но начались межплеменные распри и разбой,
От этого земля славянская теряла силы.

Междоусобицы плоды всегда лихи,
И век Седьмой вдруг оборвался разом,
Когда от Каспия до самых берегов Оки
Простерли руку сильные хазары.

Противиться (разрозненно) славяне не могли,
Платили (каганату) дань почти два века кряду,
В столетии Девятом от края Северной земли
Призвали на управление варягов.

Отсюда и возникнет Киевская Русь,

Князьями поначалу утвердятся скандинавы,
Иноплеменники как будто, ну и пусть,
Зато Россия станет славною Державой.

Гадает Нестор, летописец наш родной,
Историки немецкие слагают саги,
Нет версии надежной и простой,
Что за народ такой – варяги?

Гадать и спорить бесполезно,
Любой историк хвалит нацию свою,
А мы напомним, что и так (давно) известно,
И все сомнения сведем к нулю.

В широтах Северных прославились варяги,
Их знали все историки под именем норманн:
То были викинги, что с моря покоряли
Европу, и были ужасом приморских стран.

Лет за пятьсот до путешествия Колумба
Через Атлантику сновали их ладьи,
И торговали мореходы храбрые разумно,
Но чаще грабили и убивали, где могли.

Известно, что норманнские народы
С варягами имели кровное родство,

От Балтики пошли воинственные готы,
Война вообще была варяжским ремеслом.

А вот теперь мы скифов и припомним:
Они исчезли с берегов Днепровских, будто стаяла свеча,
Зато на Севере вдруг объявился бог норманнов, Один,
Что был прославлен в образе меча.

Не от малодушия или хотенья рабства,
Но исключительно по праву скифского родства
Славяне и норманны утвердили братство,
История Руси тут девственно чиста.

Самодержавный век язычество погубит
И канут в Лету кочевые племена,
Но русский дух дремать не будет,
Родится грозная страна.

X

Что будет далее, не стоит пересказа,
От века Мономаха и до нынешней поры
Спасали Русь не царские указы,
А кровь славянская, мечи и топоры.

Христианская религия, как дивный сон, прекрасна,

Она смиряет сердце и убажает слух,
Но если кто разбудит русский дух,
То будет пробуждение ужасным.

Из моря выползает дракон многоголовый,
Маммона чужеземная, ведет ее корысть:
И начинает алкать, и начинает грызть,
Сбывается пророчество Иоанна Богослова.

Похмельный русский бес вначале будет балагурить,
Нательную рубаху рвать и водку пить до дури,
Забавы ради, выберет вождя,
А тот начнет потеху, вовсе не шутя.

Нальются кровью дикие (раскосые) глаза,
Библейский зверь расвирепееет в человеке,
И в долгожданный день пришествия Христа
Блаженны будут нищие, младенцы и калеки.

Не удержать времен назначенного хода,
Не выправить, хоть кол на голове теши,
Кривую правду русского народа,
Вот весь секрет языческой души.

Но будет пробуждение чудесным!
И даже восхитятся небеса:

Очнется Русь! И швырнет беса...
К ногам распятого Христа.

2010